

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПЕРЕПИСКИ

Публикация и предисловие [Якова Махлина](#)

Ион Деген

С Ионом Лазаревичем Дегеном меня познакомил профессор кафедры латинского языка мединститута Ю.В. Шанин. Чем дальше, тем чётче понимаю, что Юрий Вадимович поделился самым дорогим. Незадолго до этого Шанин побывал в Израиле, вернулся полный впечатлений, взахлёб рассказывал о своём давнем киевском приятеле Дегене, который был его экскурсоводом по «исторической родине», лихо водил машину, не забывая проверить, лежит ли в бардачке пистолет. Киевского гостя Деген затащил даже в бассейн, где поразил стойкой на руках — опёрся на поручни у спуска в воду. И это всё проделал человек, на теле которого не осталось живого места — шрамы, подобно бабушкиной штопке, перечертили тело пенсионера, давно отметившего своё семидесятилетие.

Ион Лазаревич подарил нам с женой свою книжку «Голограммы», вышедшую в Израиле. Подумалось, тексты такого уровня и накала хорошо бы сделать достоянием украинских читателей. Ион Лазаревич долго не соглашался, дескать, не ему пнаться в калашный ряд писателей. Однако прислал один, потом второй из только-только написанных рассказов. Крепло желание поделиться богатством с людьми, равнодушными к слову. Такие издания вскоре нашлись, начиная с чудом сохранившегося в новых условиях журнала «Радуга». Появились и газеты, в их числе — близкая автору в силу медицинской направленности. Действительно, о ком ещё писать знаменитому ортопеду, доктору медицинских наук, как не о врачах и пациентах?

Завязалась деловая переписка, длилась более десяти лет. Человеку исполнилось восемьдесят лет, девяносто. А он продолжал фонтанировать прозой и стихами. Прикоснёшься, вроде эликсира жизни глотнул. Казалось, уж этот источник — навсегда. Хотя бы до 120 лет — граничного библейского предела человеческих возможностей. Но раны и осколки, застрявшие в конечностях, туловище и в голове, напомнили о себе на излёте девяносто второго года жизни, в апреле 2017-го...

Всё думалось, придёт время, приведу в порядок письма Иона Лазаревича, потому что нельзя, нечестно не поделиться таким сокровищем с ближними. Но на дворе совсем другой век. Это прежде считалось, что рукописи, в том числе письма, — не горят. В эпоху Интернета такое определение устарело. Время от времени программы улучшаются, стирая не нужные, на взгляд автомата, тексты. Оно, конечно, не трудно воспользоваться возможностями диска «Д», запрятать туда всё, что душе необходимо. Но, пока светит солнце, кто думает о дожде и граде? И ещё. Переписка наша чаще всего касалась той или иной рукописи Дегена. А дополнительную информацию, содержащуюся в посланиях, я по глупости считал гарниром к дежурному блюду.

Словом, когда раскрыл папки с письмами И. Дегена, убедился, как это горько, когда архивы сжирает бесстрастная электроника. Правда, память сохранила некоторые фрагменты из текстов Иона Лазаревича. Но эту информацию ни проверить, ни оживить — за отсутствием оригинала. Как-то в ответ на описание белорусских просторов, где довелось побывать, и на жалобу, что в жару там негде окунуться, бывший танкист написал: «Кажется, к западу от Минска действительно нет речек. По крайней мере, в 44-ом мой танк их не замечал».

Вдруг адресат отреагировал на упоминание эпизода из «Трое в лодке, не считая собаки». Дескать, дружил с Семой Лунгиным, автором сценария этого кинофильма. Ему же принадлежит «Добро пожаловать! Или посторонним вход воспрещён!», «Розыгрыш», «Внимание, черепаха!» и другие, не менее популярные, ленты. Не пожалел Деген добрых слов в адрес супруги московского киносценариста, кстати сказать, переводчицы на русский язык «Маленького принца» Сент-Экзюпери. А их сына, дошкольника Пашу, гладил по голове, держал на коленях. Паша вырос, стал кинорежиссёром, Павлом Лунгиным, самым культовым нынче в России. По той же стезе пошёл внук Семёна Лунгина, сын Павла. Тоже не без успеха. Не раз Ион Лазаревич высказывался о внутривнутриполитической жизни Израиля. На вопрос, как бы он себя повёл, если бы его выбрали в парламент страны, в кнессет, ответил без обиняков: «Мне бы крайнее место в самом правом ряду показалось бы недостаточным, я бы перенёс кресло депутата ещё метров на двадцать вправо, за стену высшего законодательного органа».

Много чего врезалось в память из не перенесённой на бумагу, переписки. Но память — не документ, а свидетельство собеседника, окрашенное личным восприятием. Буду благодарить провидение за то, что осталось на бумаге.

Штрихи из писем, на мой взгляд, дополняют автопортрет Иона Лазаревича Дегена. Представят интерес не только для почитателей его таланта.

**Яков МАХЛИН,
журналист**

Ион Деген: ШТРИХИ К АВТОПОРТРЕТУ

(Эпистолярное наследство)

10.12.06. За 29 лет я успел отвыкнуть от отчества. Мне даже как-то неудобно обращаться к кому-нибудь по отчеству.

13.12.06 (15.30). Никогда не испытывал даже намерения попробовать себя в драматургии... У Алексея Константиновича Толстого люблю всё, включая Козьму Пруткову — его участие в нём. Недавно обнаружил, что помню наизусть «Берков и Историю государства Российского...» и «Сон Попова».

13.12.06 (17.00). Повесть о войне. Она была в рукописи, в одном экземпляре. При выезде в Израиль я оставил её у кого-то из друзей. У кого — не помню. Все заверили меня, что не у них. Пропала рукопись. По уверению читавших — лучшее из всего, что я написал. А ещё пропала рукопись большой научно-фантастической книги, в основном посвящённой генетике и протезированию. (Забавная связь? Но протезирование было особым. Даже протез глаза полностью восстанавливал зрение). Повесть я дал прочесть Всеволоду Дмытруку, редактору журнала «Знания та праця». Просто, как приятелю, не для публикации. В конце пятидесятых и речи быть не могло о публикации такой книги. Прошло две недели. Всеволод огорчённо сообщил мне, что он потерял рукопись...

Но самая большая потеря — «Поэма о чистых руках». Лет тридцать я разгонялся взяться за неё. В 1994-ом поставил точку. Прочли поэму человек десять. И вдруг в компьютере сломался твёрдый диск. На дискету, начинающий поц, я поэму не перенёс. А на бумаге — её не было. Хоть убей, не помню ни строки. А, может быть, не хочу помнить, понимая, что восстановить не смогу.

Ко всем этим потерям, кроме последней, отношусь спокойно. Значит, так и должно было случиться...

Мои награды — орден Красного Знамени, «Отечественной войны 1-й степени, две «Отечественной войны» 2-й степени, медаль «За отвагу», Крест Грюнвальда, медали за оборону и всякая прочая лапша. Фотографию пришил. Я всегда улыбаюсь, когда вижу молодые фотографии стариков. Не лучше ли современную?

Вспомнил, у меня есть ещё один польский орден — «Reconciliationis». А среди медалей, если кому-нибудь интересно, — «За оборону Киева».

... В тысячный раз повторяю: я не литератор! Литературное творчество — просто хобби, своеобразный наркотик, помогающий врачу спастись от окружающего горя и боли.

14.12.06. И мысли не было, что меня могут опубликовать в Киеве. Даже после неожиданного появления в «Радуге» главы о Некрасове. Вообще любопытные вещи происходят. Три дня назад получил письмо от Лазарева, главного редактора «Вопросов литературы», с ксероксом его статьи в № 5 журнала за этот год. Оказывается, Лазареву пришлось вмешаться в инспирированную кем-то дискуссию по поводу авторства моего стихотворения. Свояк, живущий в США, немедленно отреагировал, написал, что в Америке заподозрили бы самого автора, пожелавшего таким образом создать себе рекламу. Забавно.

(Здесь и далее — речь о заглавном стихотворении военного цикла Иона Дегена)

***Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.***

***Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.***

Стихи эти полвека передавались из уст в уста. А я с ними познакомился всё-таки в печатном виде. Их опубликовала в до перестроечные и в перестроечные годы либеральная по советским понятиям газета «Известия». С разницей, примерно, в десять лет дважды напечатали. Правда, без имени автора. И в том, и в другом случае восьмистишие предваряло в качестве эпиграфа воспоминания фронтовиков. Строки, за исключением незначительных расхождений — одни и те же. Один из мемуаристов утверждал, что поэт был пехотинцем, второй — артиллеристом. И оба были уверены в 44-ом поэт погиб — Я. М.).

... Могу добавить о себе. Я родился, рос, а вот соской меня не кормили. Зато в восьмилетнем возрасте чудом пережил голодомор, который, могу засвидетельствовать, морил не только украинцев.

20.12.06. Мой самый любимый поэт — Лермонтов. Редчайшее явление. Чехов был врачом так себе. Не на уровне лучших земских врачей той поры. Со студенческой скамьи он в основном — писатель. И т. д.

Для меня же врачевание, кроме призвания, стало желанием отплатить за чудо спасения, возрождения к жизни, что, по мнению очень видных медиков, было действительно чудом. Кроме того, откуда мне было знать, что я обладаю хоть какими-нибудь литературными задатками? Не научившись писать гусиным

пером в юности, уже не могу догнать в старости. Как говорят, трудно научить старого пса новым фокусам.

О моих наградах. Самые забавные, если можно так выразиться, истории связаны с первой медалью «За отвагу», а ещё больше — с польским орденом «Крест Грюнвальда». Крест, если не ошибаюсь в датах, догнал меня спустя 55 лет. А за то, что меня наградили поляки крестом, меня вполне могли шлёпнуть, будь в нашем батальоне СМЕРШ более бдительным. Но всё это — плюсквамперфектум.

(К польским наградам Ион Лазаревич не раз возвращался в письмах. Вильнюс к июлю 44-го оказался в тылу наших наступающих войск. Укреплённый город взять сходу не удалось, завершить начатое предстояло обескровленным частям.

В тылу немцев подняли восстание польские отряды, подчинявшиеся эмигрантскому правительству в Лондоне. Их поддержали партизаны из еврейского гетто. Долго продержаться против пушек и танков и те, и другие не могли. Грозил та же участь, что выпала в январе 45-го на долю участников Варшавского восстания.

Поредевший батальон советской пехоты и взвод танков с минимумом горючего и боезапаса, были способны оказать восставшим разве моральную помощь. Взводом из трёх танков командовал девятнадцатилетний младший лейтенант Деген. Однако случилось невероятное. Горстке наступающих и восставшим удалось защитить город от разрушения.

С боями в Вильнюсе связана ещё одна зарубка в памяти Дегена. На исходе пятого дня у танка собрались уцелевшие польские повстанцы с красно-белыми повязками на руках и партизаны из гетто с красными повязками. Привожу строки из рассказа Дегена «Вильнюс»: «Мои ребята достали бачок, мы с партизанами выпили за встречу, за победу». По всей видимости, приложились основательно. К тому пять суток почти ничего не ели. Где-то на окраине города, у кладбища, общевойсковой капитан остановил машину Дегена:

« — Гвардии младший лейтенант, это Вы командир экипажа?

— Я.

— С Вами хочет побеседовать товарищ Эренбург.

... Илья Эренбург! Как мне хотелось поговорить с ним! Пламенные статьи Эренбурга и «Василий Тёркин» Твардовского воевали рядом со мной.... Вот бы поговорить с Эренбургом! Почитать ему свои стихи! Но я же, свинья, надрался. От меня разит водкой за километр. И гимнастёрка

моя заправлена в брюки. И парабеллум торчит на пузе. Не стану же объяснять Эренбургу, что в танке нельзя иначе...».

В заключение, ещё цитата из рассказа «Вильнюс»: «Много лет укорял себя за малодушие. Иногда представлял себе, как встреча с Эренбургом могла повлиять на мою судьбу...».

Всё так. Но жизнь не подчиняется предположениям, заключённым в словах «якобы» да «кабы». Пишется жизнь сразу набело, без черновиков и реальной возможности подкорректировать текст — Я. М.)

29.12.06. В армии употребимо правило: «Всякого дурака — рангом выше!». Исходя из этого правила, при самом суперневероятном стечении самых благоприятных обстоятельств я мог бы дослужиться до генерал-полковника. Следовательно, даже к такому дураку, как я, следовало бы обращаться: «Товарищ генерал армии...». А не «Маршал», да ещё с большой буквы.

02.01.07. Генерал армии Говоров, сын маршала Говорова, был председателем Союза ветеранов Отечественной войны. Этот Союз поддерживал дружеские отношения с нашим Союзом воинов и партизан, инвалидов войны с нацизмом. Говоров несколько раз приезжал в Израиль, мы с ним общались.

Позавчера вечером (для нас с Люсей — это самый большой праздник: 31.12.1953 г. в 16 часов в ЗАГСе на киевской ул. Ленина мы расписались), конечно же отмечали годовщину, ели лично мной засоленную сёмгу и копчёную скумбрию, запивали водкой «Абсолют».

09.02.07. Позавчера мне вручили знак ордена «Виртути милитари». Чудаки поляки. Говорят, что оценили не столько то, что я сделал для них в бою, сколько смертельный риск попасть за это в лапы СМЕРШа. А ещё (будете смеяться) самодеятельный композитор (такой же, как я поэт) увидел у нашего общего приятеля мои стихи, проникся и написал на них десять песен. Исполняет он их здорово. Три у меня в компьютере.

16.02.07. О том, что на авторство моего стихотворения претендует какой-то харьковский поэт, я впервые узнал из письма Ритика Заславского. Но харьковчанин добавил к двум строфам две свои, которые не очень стыковались с моими. Я подумал, что претендент просто цитирует понравившиеся ему строки. Как, скажем, Коржавин («Коня на скаку остановит...»). Мышиная возня продолжалась, но мне она была неинтересна.

Семён Липкин рассказал мне, как Тарасенко прочёл ему мои восемь строк (*те самые, «Мой товарищ, в смертельной агонии...» — Я. М.*) вечером того дня, когда меня растирали в порошок в Доме литераторов (не помню, как тогда

назывался ЦДЛ). При встрече с Василием Гроссманом Тарасенко прочёл ему эти стихи. (*Гроссман процитировал их в романе «Жизнь и судьба» — Я. М.*). Канал распространения из уст в уста и тогда было трудно пресечь.

А я не имел никакого представления о судьбе своих стихов. Не до этого было голодному студенту-медику. В 1954-ом я прочёл свои стихотворения Мыколе Руденко, наиболее «кошерное» — «Осколками рассечены осины...» — он перевёл на украинский язык. Собирался перевести и восьмистишие, но понимал, что не стоит тратить силы на мартышкин труд.

Был и такой случай. Видный русскоязычный киевский поэт, которому меня представил Богдан Рыльский, предложил опубликовать мои фронтовые стихи под ... его именем. Обещал поделиться со мной гонораром до копеечки. А я не врезал ему по морде. Каюсь.

Вот и вся история. «Огонёк» с моими стихами, представленными Евтушенко, подарил мне мой друг и сокурсник Мона Тверской (*В войну — капитан, командир роты сапёров — Я. М.*) — один из пяти человек, слышавших от меня мои фронтовые стихи 1945–46 годов. И ехидно приписал: «Нашему, как выяснилось, гениальному другу».

Поверьте, никаким литератором себя не считаю. Мне неинтересно. Безразличны высказывания иных критиков и недоброжелателей и сейчас обвиняющих меня в воспевании мародёрства и в других пакостях. А вот когда касается врачебных дел... Признаюсь, слегка скребанула душу ссылка в монографии моего друга, блестящего врача и учёного, профессора А.В. Каплана (Это он оперировал меня в полевом госпитале после моего последнего ранения на той войне), в которой автор был вынужден приписать мой метод лечения профессору Минбрейту, тоже моему другу. Моя фамилия к тому времени в СССР стала непроизносимой...

А вы говорите! Поэтому - не берите дурного в голову, а тяжёлого в руки.

17.02.07. Говоря о цитировании чужих текстов, привёл пример Коржавина. А сегодня вспомнил, что и у меня есть нечто подобное:

***Любовь не выставлял на обозрение.
Был ограничен правилом простым:
Лишь гению дано в стихотворении
Коснуться Бога образом святым.
После него фиаско неизбежно,
Не скажешь лучше, сказанного им:
«Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим».***

30.03.07. Открыл Сервис, затем — Параметры. Но там у меня нет шрифтов. К счастью, начались школьные каникулы. К нам приедет пятнадцатилетний внук, знающий компьютер, как я анатомию. Но существует одна загвоздка: компьютер у меня с кириллицей, а он не знает русского.

09.04.07. Позавчера родились стихи, пять строф. Одна из них, кажется, удалась:

***А ведь за то, чтоб наци не плодились,
Цена неслыханна, оплата непроста.
Ровесники мои, мы расплатились.
В живых остались только три из ста...***

12.04.07. Неужели вы предполагаете, что мне не известно, кто я есть, не известно, что из меня поэт, как из дерьма пуля? Ну, появляются изредка какие-нибудь стишки. Среди них может случайно оказаться кое-что удобоваримое. Повторяю: случайно! Я не имею ни малейшего понятия о стихосложении. Инна Лисянская подарила мне свою книгу «Шкатулка». Меня поразило, как она разобрала «Поэму без героя» Ахматовой. А Борис Кушнер? Мы с ним сдружились в виртуальном пространстве. Профессор математики, но какие знания литературы и музыки! Какие знания теории стихосложения! Да, в 16-ти-19-тилетнем возрасте из меня в состоянии стресса выплёскивались эмоции, а сегодня мне без полутора месяцев 82 года. Я что, Гёте? Тютчев? Что же касается прозы, то какая это проза? Просто, как бы сидя в компании рассказываю байки. При этом очень редко выдумываю что-нибудь. Просто вспоминаю.

20.04.07. В предисловии к моим стихам, опубликованным в журнале «Радуга», вкрались две ошибки. «Не старший лейтенант, а лейтенант». Впрочем, если на всякого дурака — рангом выше, то сойдёт. А вот слова, что «Деген мечтал после войны посвятить себя поэзии» — действительно ошибка. Уже в госпитале, после последнего ранения, я мечтал стать врачом. Подтверждаю!

(Как правило, Ион Лазаревич в письмах отвечал на вопросы, касающиеся тех или иных деталей рассказов, опубликованных в Киеве за десятилетие с 2006 по 2016 год. Часть из них плюс стихи вошли в сборник, изданный «Радугой» в 2010. Наверное, надо бы насытить данную публикацию цитатами из рассказов-воспоминаний Дегена. Но заинтересованному читателю проще и познавательней заглянуть в комплекты журнала «Радуга» за указанные годы и в подшивки газеты «Новости медицины и фармации» за этот же период — Я. М.)

23.04.07 (23.50). Только что мы закусили и выпили в честь 59-ой годовщины со дня основания нашего маленького фантастического государства. Гости ушли. Люся с младшей внучкой, получившей в армии увольнение, и с внуком пошли в парк напротив нашего дома. Друзы там соорудили котлы с закусками. Вся улица в самодельных лотках. Через каждые 50–100 метров установлены туалеты для обожравшихся. Оркестры, ансамбли. В 22.15 начался красивейший фейерверк. Мы распахнули трёхметровое окно салона, сгрудились и как дикари радовались огням, чуть ли не влетающим в окно. А до этого по телевидению — красивейшая церемония в Иерусалиме после торжественного зажигания 12-ти огней. Сейчас — отличный концерт. Но я не выполнил дневной нормы, пошёл к компьютеру.

13.05.07. Из Москвы прислали журнал «Отечественные записки». Видно, старое название обязывает. А в нём — мой рассказ «Командир взвода разведки».

Я заливаюсь краской от обращения ко мне: «Маршал поэтических строк!». Ну, может быть, я чуть выше графоманов. Скажем, графоман-ефрейтор. А ефрейтору, как известно, маршальский жезл не вручают. В подтверждение прикалываю восьмистишие, которое написалось неделю тому назад.

***Два разных чипа в душу мне заложены
Чип состраданья и жестокости чип лишний.
Жизнь пистолет дала на пояс кожаный,
А добрый скальпель мне вручил Всевышний.
Ну а стихи — души произведение.
Но точная стихов характеристика:
Поэзию в них глушит, к сожалению,
Навязанная жизнью публицистика.***

15.06.07. Борис Кушнер, отличный лирик, попросил прислать ему моё давнее стихотворение (1967 г.), перекликающееся с его стихами, написанными сейчас. Полез искать и наткнулся на одну страницу (к сожалению, только одну) письма Юры Шанина. И так больно мне стало... Сверх положительный отзыв о моих стихах я, конечно, воспринял, как следствие очень доброго отношения ко мне, а не к моему творчеству. Пишу об этом потому, что в который раз удивляюсь случайным совпадениям. И это я, не верящий в случайности.

27.06.07. Что же касается званий и прочих атрибутов, я давно согласен с определением подполковника Васильева, друга моего друга, спортивного журналиста Бори Гопника, отреагировавшего на бесконечный припев тогдашнего шлягера: «А у нас генерал! А у нас — генерал...» коротко и ясно: «и оба жопы...».

07.08.07. Санитарный самолёт ПО-2... Если бы видели это чудо техники! Пилот, спиной к нему — врач. А перед врачом во весь фюзеляж самолёта — носилки для одного пациента, подступиться к которому нет никакой возможности...

08.08.07. В Киевский мединститут я поступил честно — с аттестатом зрелости на руках. Два моих соученика по довоенной школе (один из них стал выдающимся профессором математики, второй — окончил московский Микояновский институт) попросили меня в справках исправить цифру в словосочетании «закончил 9 классов» — на «10 классов». Я их уламывал пойти честно сдавать экстерном экзамены. Безуспешно. И вот, почти перед защитой дипломов, моё художество было всё-таки обнаружено. Их обоих, лучших студентов Киевского университета и Микояновского ин-та, попёрли с барабанным боем за аттестатом зрелости.

Я рискнул пойти честной дорогой. Прикинул. Сочинение на вольную тему напишу левой ногой. Потому зубрил органическую химию, о которой не имел представления. Но экзамены начались с сочинения. Вольную тему не предложили. Пришлось выбирать между «Лучом света», «Образами женщин» и «Пафосом социализма у Маяковского». Остановился на Маяковском, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Во-первых, «лучший и талантливейший» входил в курс десятого класса. Во-вторых, между цитатами достаточно вставить несколько слов.

На устном экзамене рыжая еврейка, не влюбившая меня с первого взгляда, и затаившая зуб ещё с письменного экзамена, гоняла в хвост и в гриву. Четыре часа, пока писали сочинение, она не спускала с меня глаз. Я всё-таки умудрился скатать. Она пожелала проверить, действительно ли помню Маяковского наизусть. Спросила, а что ещё помню? Ответил, что держу в голове всё, что положено десятикласснику.

— Что могли бы прочесть из «Евгения Онегина»?

— Половину! — выпалил я, начиная злиться.

— Какую?

— Любую!

Тут вмешался седовласый украинец из гороно:

— Девятую главу тоже знаете?

— Знаю.

— Когда Онегин отправился в путешествие по России?

— Июня, третьего числа.

Рыжая зашла с другой стороны:

— А как вам «Девушка и смерть»?

Строки из произведения Горького, о котором товарищ Сталин сказал, что оно: «посильнее, чем «Фауст Гёте», — стали отскакивать от моих зубов. А сам прошу Всевышнего, чтобы она не перешла к вопросам грамматики — в ней ни в зуб ногой. Не спросила. Поставила мне две оценки «Отлично» и отпустила с миром.

На письменном по геометрии я решил все четыре варианта задачи по стереометрии и пустил решения по рядам. Взамен получил решение тригонометрической задачи. По химии получил «четвёрку», а физика и немецкий — для меня вообще семечки. С таким почти отличным аттестатом, равнозначным появившейся позднее серебряной медали, поступил в Киевский мединститут. Проучился в нём всего-то два дня. Расстояния между кафедрами этого высшего учебного заведения, да ещё с учётом состояния тогдашнего городского транспорта, — были не для костыльника с неокрепшими после семи ранений руками. Так я оказался в Черновицком мединституте, почти все аудитории которого располагались в одном корпусе.

И последнее — ну какой же я литератор? Сажусь за стол без всякого плана в голове. Когда что-то во мне начинает звучать, я записываю. Сам процесс отнюдь не увлекает. Более ста страниц рассказов о «Наследниках Асклепия» написал за считанные часы и дни. Из них — двенадцать в Швейцарии, где мы, разумеется, не сидели сиднем в гостиницах, а путешествовали. Ещё две недели — в Карловых Варах. Небольшой отдых по приезде домой и ещё неделя с внуками в Эйлате. Получилось, как бы между делом. А просто сесть, задуматься и написать — я не умею.

03.09.07. Ещё не отошёл от ночного полёта. Мы провели четыре дня в Дрездене. С утра до вечера посещали музеи и галереи, там есть ещё что посмотреть. В гостиницу Люся возвращалась без задних ног. Меня по закону следовало бы приносить на носилках... В отношении текстов — полностью доверяю. Но если решат сокращать текст или вместо РЭСов написать РЕЛЬСов, пожалуйста, пусть поставят меня в известность.

22.10.07. Несколько дней назад были на грандприёме, устроенном украинским посольством. Люсю и меня удивило, что посол обнял меня и поцеловал. Интересно, почему?

26.10.07. Как вам известно, я уже пенсионер, т.е. не работаю, следовательно, не имею профессиональной страховки. Гонорар? У больных я денег не брал даже занимаясь частной практикой. Могу ли я порекомендовать ортопеда? Дело в том, что отличные врачи, которых я знаю, тоже уже пенсионеры. А племя молодое? Незнакомое!

Позавчера собрал речи на пятилетиях нашего выпуска — вирши исключительно для моих однокурсников. У меня много подобного дерьма.

27.10.07. Медаль «За отвагу» мне на Кавказе не вернули. Велели сказать спасибо за то, что вернули меня. *(После выхода в конце сорок первого из окружения и лечения в госпитале Ион Деген, опять же добровольцем, вступил в армию на Кавказе. Направили его на бронепоезд, из тех, что находились «на запасном пути» ещё с Гражданской. Служил командиром взвода разведки бронепоезда. В не менее тяжёлом сорок втором году был награждён медалью «За отвагу». Однако не проявил должного почтения при встрече в прифронтовой полосе с гражданской шишкой со значком депутата Верховного Совета СССР на груди. Благо начальники бронепоезда вмешались. Жизнь бойцу спасли, медаль — отстоять не смогли — Я. М.)*

А вторую медаль «За отвагу», которую надеваю по очень большим праздникам, я получил за ... Не буду пересказывать представление из наградного листа. Как-то я прочёл эти официальные строки инвалиду войны, который пришёл ко мне за помощью. Закрыв рукой последнюю строку и спросил, чем именно награждён. Он сказал:

— Знаю, Героя не дали. Заменили орденом Красного Знамени...

Тогда я отнял руку от последней строки. Последовало восклицание, в конце:

— ... твою мать!

Эмоциональную фразу его целиком перенёс на бумагу и использовал для своеобразного психологического эксперимента. Время от времени показывал пациентам-фронтовикам описательную часть представления к награде. Все они на вопрос о достоинстве полученной награды отвечали примерно одинаково. Тогда я открывал последнюю строку представления. Двадцать участников эксперимента слово в слово повторяли восклицание первого, которого в глаза не видели, совсем им не знакомого. Тогда я доставал из папочки оригинал его ответа...

15.11.07. Чего вдруг президент Ющенко должен привозить мне какой-то орден? О его приезде я узнал из газеты. Ни я его не видел, и он меня не видел.

19.11.07. Позавчера пришёл к нам Евгений Евтушенко, зачем-то собирающийся написать какую-то статью. Поговорили. Сопровождавший его переводчик Витя Радуцкий (услуги его не понадобились) позвонил назавтра и сказал мне, что «гость проникся». Не знаю почему. Я в роли хозяина был не очень любезен, на вопрос о любимых поэтах кроме Пушкина и Лермонтова, назвал Коржавина, Окуджаву, Орлова, Панченко, Слуцкого. Ещё нескольких, среди которых Евтушенко не нашлось места...

22.11.07. Как убрать эмоции из текста? Я ведь рассказчик. Когда рассказываю, возможно, даже размахиваю руками. Как их убрать?

26.11.07. Я не помню свои тексты. Не заметил и того, что Евтушенко в статье обо мне снова повторил свою редакцию стихотворения, о неправомомерности которой мы с ним договорились. На это разночтение обратила внимание Люся. Правда, вчера он позвонил из Америки, извинялся, говорил, что это не его вина, а редакции газеты. Обещал, что в Антологии всё будет так, как я хочу. Кто знает?

Вот в «Заметках» Берковича (*Интернет-издание — Я. М.*), где меня постоянно публикуют, и где аудитория — верхний слой «Нового мира» Твардовского, положительные отзывы читателей меня действительно радуют.

27.11.07. Старлей Гудзенко! С кем вы меня сравниваете? Его я назвал первым, когда Евтушенко спросил о любимых поэтах. А «Десять веков русской поэзии» Евтушенко только готовит. Говорит, это будет многотомная антология.

29.11.07 (12.30). По поводу Конецкого. С удовольствием прочёл две его книги. Смеялся от души.

29.11.07 (15.00). Статья Евтушенко обо мне опубликована 23.11.07. в газете «Новые Известия» или в «Новой газете». Не знаю точно, как она называется. Наверное, всё-таки «Новая газета» ... Позавчера вечером сходу написал рассказ «Провал памяти». Рассказ возмутил сына. Говорит, если я его опубликую, он выступит с опровержением. Дескать, провалов памяти у меня быть не может.

02.12.07. В танковом училище я написал поэму «Курсант». Для внутреннего употребления — в пределах роты. Много лет спустя опубликовал запомнившиеся куски. Сейчас иногда всплывают целые четверостишия. За ненужностью не записываю и снова забываю. Мои речи на пятилетиях нашего курса — для ещё более тесной аудитории.

11.12.07. Даже за свою профессиональную работу деньги получал только от работодателя, но не от пациентов. А уж за любительство, в смысле за стихи и рассказы, — вы что!

Вчера присутствовал на чествовании израильских танкистов. Вдруг меня вызывают на сцену. Я даже не уловил своей фамилии, она в этом контексте не должна была звучать. Но Люся толкнула меня в бок локтем: «Иди, тебя называли!».

16.12.07. 18-го, в 11 часов в Киевском Доме офицеров начнётся юбилейное заседание Украинского Совета ветеранов войны. Меня на него делегировали. Но! С трудом достали билеты на завтрашний рейс в 8 утра (возвращение — 24-го), до 20-го забронирован номер в гостинице «Казацкая».

Но визы-то на руках нет. И хотя с позавчера этим лично занимался украинский атташе, виза должна быть получена только завтра, спустя два часа после отлёта самолёта. Естественно, я всех послал. Нужно объяснять куда? А руководство нашего Союза настойчиво просит меня всё-таки полететь. И нет никакого представления, чем всё закончится.

(Приехать в Киев без опоздания ветеранам из Израиля всё-таки удалось. Украинские фронтовики тепло встретили гостей в зале Дома офицеров. Докладчик проинформировал, что ещё к двадцатилетию Победы киевский горвоенкомат запрашивал Москву о представлениях Иона Лазаревича Дегена к званию Героя, и что оттуда пришёл ответ, дескать, у бывшего танкиста без того много государственных наград. Потому есть предложение наградить заслуженного воина званием Героя Украины. Зал и президиум взорвались аплодисментами.

Ион Лазаревич попросил слова. Поднялся на сцену и сказал, что всегда верил в справедливость, что, конечно, благодарен за оказанную честь. Взрыв аплодисментов. В наступившей тишине диссонансом прозвучал неожиданный грохот, — это Деген подхватил свою пятикилограммовую палочку, соскользнувшую с края трибуны.

— Ещё и ещё раз спасибо большое, но поскольку таким званием награждён Шухевич, то я как-нибудь обойдусь без этой чести...

Зал зааплодировал. В президиуме тишина. — Я. М.)

28.12.07. Симонов с Эренбургом могли себе позволить любые сокращения, вызванные тем, что «газета не резиновая». У них была возможность реабилитироваться в другом издании. У меня такой возможности нет.

16.01.08. Получил из Киева, от ортопеда, очень славной женщины, весьма положительный отклик на мою писанину. Спасибо. Признак того, что я не пишу, как в «Книгу жалоб», на вокзале узловом...».

24.01.08. В электронном журнале «Заметки» в третий раз меня избрали автором года. Ничего не понимаю. Там ведь такие авторы! Чудеса. Впрочем, хвост не задираю.

21.02.08. 18-го в 16 часов пошёл на изотопное обследование. Домой меня не отпустили, хотя я упрямо объяснял, что завтра утром должен явиться на важное заседание в танковом музее. Кардиолог меня чуть не обматюгал. Тут же госпитализировали. На следующий день прооперировали — центур. Я смотрел по монитору, как упрямо трудились врачи, воюя с артериями моего сердца. С одной справились довольно быстро, а вторая задала им работку. 20-

го прибыл домой. Люся выдержала мой категорический отказ ехать в такси. Добрались автобусом. Экзамен выдержал.

14.04.08. Накануне было у нас открытие памятника партизанам. Меня попросили явиться при полном параде. Сфотографировали, как я рассказываю Эгуду Бараку (нынешний министр обороны, говно, был блестящим воином до командира батальона) о давней встрече в бою с Барухом Шубом (*партизан из Вильнюсского гетто — Я. М.*), стоящим рядом.

04.06.08. Я напрочь не умею работать над только что написанным. Больше того: написал и крышка! Себя я не слышу. Не вижу, что надо исправить, что улучшить. В стихотворениях любых авторов замечаю пылинки, в своих — бревна не замечаю. Литература — не моя профессия. Одарён как танкист? Не представляю себе, как можно скрывать одарённость под танковым шлемом. Профессионалом — да, был. А врач я хороший. Именно врачом и хотел стать. Никем другим... Когда слышу «бесстрашие сильного человека», мне так и хочется заменить одно слово. «Бесстрашие глупого человека» — точнее.

05.06.08. Итак, я уже не в больнице, а дома. Ещё не вернулся к состоянию ходьбы с палочкой, но надеюсь, на твёрдом пути к этому.

... Знаете, стоило сломать ногу, чтобы вдруг обнаружить отношение незнакомых и малознакомых людей. Десятки людей из разных стран, которых я никогда в глаза не видел и, следовательно, не знаком, решили выпить за моё здоровье и сейчас отчитываются, какие именно напитки стояли на их столах. Извините за нахлынувшие чувства, но чего-то захотелось ими поделиться. Профессиональные поэты даже стихи мне посвятили. Вот строфа из целой вязанки посвящений:

***Напластование времён
Я чувствую душой и кожей.
Старею, стало быть. А он –
Он и сейчас меня моложе.***

28.06.08. Прочёл в «Радуге» рассказ Станислава Калиничева «Мой золотой дукат». Так ведь он же писатель! И если меня одобряет писатель, я начинаю думать, что не просто потому, что хорошо ко мне относится. Такие мысли вызывают у меня некоторую тревогу. Боюсь поверить в то, что я не только танкист и врач (профессии, которым я учился). Но и в какой-то мере пусть примитивный, но литератор. Могу зазнаться. В моём возрасте это опасно.

29.06.08. Сейчас прицеплю несколько виршей. *Только для личного употребления.* Их не собираюсь публиковать. Люся называет их дерьмом. А сын, помня десять заповедей, почитает своего отца и не употребляет сильных выражений...

02.07.08. Почему стихи изредка возникают — объяснить не могу. Опубликовать их не собираюсь, хотя какая-нибудь газетка Юга Израиля с удовольствием тиснула бы их, считая, что читатели-дураки. А сколько подобных (лучших и худших) кануло в Лету! Иногда, проклёвываются в памяти строкой-другой.

16.07.08 (14.00). Забавно запутывается всё на свете. Передо мной на столе — «Ход коня» Виктора Шкловского. Книгу привезла нам Катя, жена внука Шкловского, Алёши. Катя — дочь Лазаря Лазарева.

... Стихи у меня продолжают рождаться. Извините, не совсем серьёзные.

*Писать стихи в семнадцать лет,
Пусть даже в восемнадцать.
Эротика? Беды в том нет,
Не следует стесняться.
В интимной лирике тоска
Масштаба мироздания,
Коль обнажённых два соска
Затормозят дыханье.*

*Но мы, увы, в семнадцать лет
Мы не о том писали.
Сегодня, да, пришёл рассвет,
А завтра? Мы не знали.
Тогда из ада самого
Внутри, не в подворотне,
Сумело выжить нас всего
Лишь только три из сотни.*

*Семнадцать-восемнадцать лет...
Летят десятилетия
Преобладает взрывов цвет
В словесном многоцветье,
Из коего стихи плетут.
И с возрастом — не лучшие...*

*Хоть были исключенья тут:
И Гёте был, и Тютчев.
И всё же лирикам совет
С эротикой знаться,
Когда тебе семнадцать лет,
Пусть даже восемнадцать.*

16.07.08. (16.15). С Василисой и её мужем Реувеном мы, к сожалению, общаемся редко, хотя живут они в Иерусалиме. Как-то заявила она к нам с двумя чудесными детьми — праправнучками Шкловского (Получается, как бы продолжение писем Шкловского, отрывки из которых опубликовал писатель Конецкий): «У внука родилась девочка. Зовут её Василиса Никитьевна. Дерево жизни накладывает слой на слой. Ещё не видел правнучки. От внука идёт пар».

22.08.08. Из Москвы прислали замечательную книгу — «Стихи и песни о Великой Отечественной войне». В ней — двенадцать моих стихотворений в очень достойной компании.

21.09.08. Справка о 2-ой гвардейской танковой бригаде даёт некоторое представление, откуда взяты сведения для списка советских танковых асов. Как видите, танкисты не употребляли этот термин. Даже не знал, что меня называли «танковым снайпером». «Счастливымчиком» — это я знал. Сложнее и страшнее всего было воевать с пушками, а не с танками. В справке написали: «уничтожил много орудий». Сколько это — «много?». Не знаю. Не считал. Но кроме орудий были ещё страшные зенитки и полевые пушки... *(В списке «Советские танковые асы» Ион Лазаревич Деген замыкает первую десятку — подбил 17 немецких танков. Цифра подтверждена выписками из финчасти. За каждый танк командир экипажа получал премию — 500 рублей, всего Деген расписался за 16,5 тыс. рублей премиальных — Я. М.).*

02.11.08. Не помню, писал ли, что здешний самодеятельный композитор сочинил кучу песен на мои вирши. Самое забавное, некоторым они нравятся. Одна из песен, посланная автором на радиоконкурс, пять недель подряд занимала первое место в рейтинге слушателей. Забавно и непонятно.

27.11.08. Написался рассказ. Сын и Люся ничего не смогли сказать по поводу прочитанного. Наверное потому, что каждая деталь, каждая мелочь была им знакома. Я ничего не придумал. Я не писатель, а рассказчик. Не знаю, как превратить фрагменты в литературное произведение.

10.01.09. У меня либо сразу что-нибудь рождается, либо — блин комом. А, как известно, скомканный блин исправить, переделать невозможно. Попытаюсь. Если не получится — выброшу.

09.02.09. Вряд ли мой голос что-то весит в литературе. «Пишу для роты только или взвода». Это строка из моей поэмы «Курсант».

04.03.09. Пришёл с обязательной прогулки — 2 км. Назначение кардиолога. Приятный весенний день. Парк напротив дома оглашён пением птиц. А мы всё ещё мечтаем о проливных дождях. Кинерет — Тивериадское озеро — пополнился всего на 47 см. До верхней красной черты ещё 4 м. 93 см. Кошмар! Ожидается, правда, таяние снега на Хермоне. Но этого очень мало. В Маале Адумими, в Иудее, почти в пустыне, древние евреи в библейские

времена аккумулялировали и хранили воду. А при глупых их потомках обильные дожди прошлой недели стекли коту под хвост в Средиземное море, которое без этой прибавки могло бы вполне обойтись.

05.03.09. Очень жалею, что в войну, в Вильнюсе, постеснялся принять приглашение Эренбурга на беседу. Трудно описать, как солдаты (т.е. те, кто воевал) относились к Эренбургу. Боготворили! Не знаю, смог бы я что новое поведать знаменитому писателю. Я просто профессионально исполнял свои обязанности, тщательно скрывая трусость. Убеждён, всё, что произошло в моей жизни — свидетельство бережного отношения ко мне Всевышнего... Трудно представить, с какими дополнительными трудностями пришлось бы столкнуться, получи я звезду Героя.

А поляки трижды наградили меня за один и тот же бой, за один и тот же поступок. В том числе самым большим военным орденом — «Виртути милитари», равноценным советскому Герою. Героизма особого не было. Просто я проявил гражданское мужество. По глупости. Поляки до сих пор не могут этого забыть. Вильнюсовский мой поступок не составляет и десятитысячной доли одного процента того, что я сделал в боях лета 1941 года. А также лета и осени 1942 года — ещё до официального призыва в армии, на добровольных началах. И наконец, в течение восьми месяцев 1944–1945 гг., уже после призыва. Ну и что? Учла ли это советская власть и её правопреемники? *(События отступления в сорок первом почти не отображены в сохранившихся документах. Могилёв-Подольский тогда находился на самой границе. Вместе с воинской частью отряд добровольцев-девятиклассников отступал до самого Днепра. Оказалось, что и это препятствие немцы легко преодолели. Переправиться вплавь с оружием и летом задача почти не выполнимая. А на дворе конец октября. К тому оба они, Ион и его одноклассник Саша, ранены. Пришлось побросать в реку трофейные автоматы с запасными рожками и трофейные же гранаты с деревянными ручками. Один этот факт красноречиво говорит о том, что на участках, обороняемых побратимами Дегена, лёгкая прогулка фашистам не удалась. — Я. М.)*

20.03.09. Адъютант старший — это начальник штаба батальона. Так в танковых войсках называли должность, занимавшуюся, как правило, капитаном... Вчера в Иерусалиме я внезапно оказался лауреатом литературной премии.

29.05.09. О том, что умер Александр Межиров узнал только вчера. Взгрустнул. Поблагодарил Господа за ещё один день жизни. Евтушенко считал себя учеником Межирова. Припомнилась не очень ласковая моя реакция на рассказ Вики Некрасова о встрече с Евтушенко в ресторане ЦДЛ накануне публикации в «Литературной газете» стихотворения «Бабий Яр». Вспомнил, как

отказал Грише Кипнису (собору «Литературки» по Украине) принять Евтушенко у нас на Боевской. А с другой стороны была вполне приличная выпивка и нормальная беседа с ним у нас дома здесь, в Гиватайме. Всё неоднозначно. Грустно, когда уходят большие поэты и порядочные люди.

01.10.09. 12-го на неделю отбываем на Мёртвое море. Отрыв от компьютера. Мог бы взять с собой Лепток, но принципиально не хочу платить гостиничным спекулянтам за Интернет. Бесстыдные сволочи.

25.11.09. Вчера получил приглашение послать в Москву стихи на военную тему, для опубликования в сборнике, который собираются выпустить к 65-летию Победы. Поблагодарил и отказался. По той причине, что сборник издаётся под эгидой Министерства обороны. Представляете себе — *обороны?*

... По поводу Феликса Кривина (*эмигрировавшего в Израиль — Я. М.*) ничего не могу сказать. Мы же до сих пор не знакомы. А я не люблю навязываться знаменитым людям.

28.11.09. Заданность присутствует во всех моих рассказах. Приступая к написанию, я могу не знать, как поведут себя герои, как развернётся действие, но я точно знаю, зачем пишу этот рассказ.

21.12.09. Приятно получить привет от Глузмана (*известный киевский правозащитник — Я. М.*). И ему привет сердечный. Вспоминаю беседы о нём с Виктором Некрасовым... Написалось несколько стихотворений. Люся плюётся...

05.04.10. О представлениях и награждениях я имел весьма смутное представление до 1994 года. Только тогда, получив от Аркадия Тимора копии наградных листов (а он — от полковника Свердлова, профессора-историка), узнал, как меня представляли к наградам, как обворовывали и прочее. О представлениях за Вильнюс доходили до меня какие-то слухи, не больше. Было обещание представить к Герою из уст генерал-майора Городовикова. Поэтому не скажу, когда же было первое представление. Командующий фронтом генерал Черняховский велел представить меня к званию Героя *20-января 1945 года*. За бои в Восточной Пруссии, за случайный прорыв к Кенигсбергу, к которому наши войска подошли только спустя два с половиной месяца.

07.04.10. Как хорошо, что я уже не жду появления книги или книг. Как хорошо, что уже не старый оптимист. Получится — прекрасно, не выйдет — так я ведь и не надеялся. Только что пришло письмо от неизвестного мне московского барда Вячеслава Бахметьева, написавшего песни на мои военные стихи. Шесть линков в аттачменте, четыре фотографии — стенд на какой-то выставке с двумя моими фото и, вероятно, стихами (мелкий текст, не разглядеть). И ещё два линка — сами песни. Но, к сожалению, они не

открылись. Было бы это усё лет пятьдесят тому назад... Но! «За всё, Господь, благодарю».

26.04.10. Сегодня в «Огоньке» появилась небольшая заметка обо мне. Как обычно — с ошибками. Самое обидное, что поместили семь строк из гуляющего по рукам стихотворения по поводу получения очередной медали... Выбрали не лучшие. Могли бы напечатать целиком:

*Привычно потокой пролиты речи.
Во рту оскомина от слов елейных.
По-царски нам на сгорбленные плечи
Добавлен груз медалей юбилейных.
Торжественно, так приторно-слащаво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой... им наша бывшая отвага?
Безмолвно время, мудро и устало
С трудом рубцует раны. Но не беды.
На пиджаке в коллекции металла
Ещё одна медаль ко Дню Победы.
А было время, радовался грузу,
И боль потерь превозмогая горько,
Кричал «Служу Советскому Союзу!»,
Когда винтили орден к гимнастёрке.
Сейчас всё гладко, как поверхность хляби.
Равны в пределах нынешней морали
И те, кто блядовали в дальнем штабе,
И те, кто в танках заживо сгорали.*

10.05.10 В Каменец-Подольском я ни разу не бывал. Родился и до 16 лет жил в Могилёве-Подольском, чудесном городке на берегу невероятно быстрого Днестра. Нигде в мире не пил такого вина, как могилёвское «Алиготе». Нигде не ел такого французского ранета, как в Могилёве-Подольском. Там закалился, как боец, в драках. Как потом выяснилось, — не между улицами, а между национальными командами. Подчас были вооружены не только кулаками, но и камнями. Позднее в погранотряде овладел стрелковым оружием. Так что войну встретил неплохо подготовленным бойцом.

А праздники продолжаются. 14-го пойду на вручение медали, уже израильской. От этих наград меня слегка подташнивает.

13.05.10. Аспирантуру я не заканчивал. Обе диссертации — кандидатскую и докторскую — сделал в свободное время, которого у меня не бывало. Да, много раз слышал о том, что я работал участковым ортопедом. Такого в природе не существовало. Работал просто ортопедом. Впрочем, к словесным

неточностям в свой адрес привык ещё в Киеве. И здесь тоже надо привыкать. Позавчера наш премьер-министр Нетаниягу начал свою речь в кнессете с рассказом обо мне, в котором процентов двадцать неточного.

... Умные врачи рекомендуют постоянно нагружать мозги и мышцы. Тогда обещают, проживу дольше. Не знаю, как мозги, но мышцы моя тросточка (весом в 5 кг) нагружает и тренирует.

14.05.10. С Толей Шпаковым мы жили в Черновцах, в университетском общежитии. Толя учился на историческом факультете, а я в мединституте, в университете — слушал лекции по физмату. После первого курса Толя перевёлся в Ленинградский университет и закончил его. Встретились мы снова уже в Киеве, он работал в музее. Забыл в каком, но, кажется, в том, что находится у истоков улицы Кирова рядом со стадионом «Динамо».

П.С. Подтверждаю: вес моей железной, заполненной свинцом, тросточки — 5 кг, вес моего пиджака, являющегося грунтовкой для иконостаса — 6 кг... А вы говорите!

24.05.10. О методе Довлатова (*каждое слово в предложении — с новой буквы — Я. М.*) знаю. Но я же, увы, не Довлатов... Постмайстер проинформировал, что три посланных сегодня клипа в Киев не пришли. Главное, не помню какие. Но явно хорошие! Подлые провайдеры и серверы! Хотя я и не очень представляю, что это такое...

31.07.10. В Новосибирске вышла моя книга «Я весь набальзамирован войной», она выиграла конкурс Московского института переводов, оплатившего перевод книги на иврит (11 тысяч долларов). Михаил Веллер инициировал в АСТ издание книги «Война никогда не кончается», 3000 экз. В неё вошли шесть не публиковавшихся ранее рассказов. В Нью-Йорке без моего ведома переизданы «Голограммы», даже экземпляра не прислали. Там же, в Нью-Йорке собираются переиздать «Однокурсников». Ещё получил от друзей сообщения, что видели два фильма обо мне.

К сожалению, все эти добрые вести заглушила Люсина болезнь. 4-го будет два месяца после инсульта, поразившего речевой центр. Потому ничто и никто не радуется.

12.08.10. В Коростыне бывал. Молодой врач, летал туда и делал операцию на позвоночнике. В городке неожиданно встретил генерал-майора, командира танковой дивизии. В войну, младшим лейтенантом, он был моим подчинённым. Встреча была тёплая. Но показать мне новый танк Т-54 он отказался. Военная тайна!

29.08.10. В рассказе о печерской больнице — всё верно. Вход в здание — с Козловки. Несколько ступенек, кажется, девять. Просторный вестибюль.

Справа — кабинет главврача. Прямо — вход в отделения больницы. 20 метров до хирургического отделения. Пётр Васильевич Яшунин — главный врач. Пётр Андреевич Балабушко — зав. хирургическим отделением. Какие были врачи! Какие хирурги! Разве можно их описать моими средствами?

16.11.13. Отцом одного, не скажу почтенного, киевского профессора, был старый врач-протезист, армянин, женатый на еврейке. Уж он подлостей себе не позволял. Возможно, потому, что закончил не Киевский медицинский институт, а медицинский факультет университета Святого Владимира. Но это так — побочные ассоциации.

05.09.14. Дорогие друзья... Нет уже их. Нет тех воинов, с которыми я праздновал День Победы... Сегодня огорчил жену стихами, выхлестнутыми воспоминаниями. Куда там, больше, чем огорчил. Не ритмом, не рифмами. Содержанием. Я даже собирался уничтожить их. А потом подумал, почему бы не завершить ими рассказ о забытом Дне?

*Ещё в той гимнастёрке простреленной,
Ещё в каждом рубце ныли нервы.
Но уже к мирной жизни пристрелянный,
День Победы отпраздновал первый.
День Победы как праздник непризнанный,
Мы отметили единолично.
Вождь решил так, и значит пожизненным,
Что решил он, считали привычно.
Мы студенты, солдаты недавние,
На пути к невоенному миру.
Мера водки по-честному равная.
Хлеб. Селёдка. Картошка в мундире.
Ежегодно упрямо старались мы,
Чтобы закусь была фронтовая.
Ветераны, в тот день собирались мы,
Тосты провозглашали, вставая.
Но начало без тоста печальное.
Как шаги по кровавому следу.
Эта рюмка была — поминальная,
За друзей, не узнавших Победу.
Водка, хлеб. Чёрный хлеб, не для пира.
И селёдка с картошкой в мундире.
Из страны, отторгавшей без жалости,
Уводимы еврейской судьбою,
В багаже вместе с нужною малостью
Увезли День Победы с собою.
За столом становилось всё меньше нас*

*Пустота между нами всё шире.
И количество водки уменьшилось.
Хлеб. Селёдка. Картошка в мундире.
Сиротливо в день этот торжественный.
А ведь был выпивон какой славный!
Без конца поступают приветствия.
Я последним в застолье оставлен.
Чёрный хлеб, словно выпечка сдобная.
Воевавший один я в квартире.
Водка. (рюмка напёрстку подобная).
Хлеб. Селёдка. Картошка в мундире.
Умолкают фанфары. А лира?
Память. Атаки. Потери. Беды.
Водка.
Селёдка.
Картошка в мундире.
Всё.
Праздник Победы.*

07.04.15. Позволю себе привести заключительные строки из стихотворения, посвящённого собственному дню рождения, припадающему на июнь:

*Весь в полезных трудах, ни секунды для лени.
Но в душе память детства стыдливо храня,
Тосковал по безумно цветущей сирени,
И по лирике, что не догнала меня.*

14.04.15. Сегодня написались восемь строчек:

*Делами, точно очерченными,
Не перегруженный бахвальством,
Всю жизнь любим был подчинёнными
И не любим большим начальством.
Без невоенного, излишнего
Был призван в лейтенантском виде
Свидетелем в суде Всевышнего
Того, что в преисподней видел.*

04.01.16. Появилось стихотворение, закончил его такими строками:

*Диагнозы компьютер разгадал,
Снабдит врача назначенным заданием.
Но не компьютер, а профессионал
Излечит пациента состраданием.*

10.01.16. О глобальных процессах в Киеве не задумываюсь. Но ведь почтовая связь по Интернету не требует чрезвычайных событий на площади Калинина (Какая память! А?)

19.01.16. О размере моей пенсии. Все, кто в отличие от меня разбираются, говорят, что я поц. Откуда мне было знать, что у меня есть какие-то права на большее? Тем более, что начальство вообще возмутил мой уход на пенсию. Короче, моя рабочая пенсия — около 1500 евро, что не оставляет меня голодным. А есть ещё Люсиная пенсия — 700 или 800 евро. Плюс поступления, социальное страхование и прочее. На счёт внуков с момента их рождения ежемесячно — по 150 евро. И это их, людей вполне обеспеченных, очень смешит.

22.01.16 (15.35). Ещё с киевских времён не прикасаюсь к деньгам. С 1953 года — всё в Люсиных руках. Даже на стрижку она выдаёт мне деньги. На данный момент выяснил, что евро у нас примерно на 25% дороже доллара.

23.02.16 (10.30). Намеревался прицепить рассказ, написанный позавчера. Но опомнился. А сегодня капнуло стихотворение, три четверостишия. Но Юра, сын, прочитал его и сморщился. Поэтому молчу.

23.02.16 (16.00). А я вообще забыл об этом праздничном дне. Но, растревоженный с самого утра поздравлениями, которые по невоспитанности посчитал глупыми, после обеда — подумал: а не пригубить ли для удовольствия коньяк? Но Люся сейчас не пьёт. А я в одиночку пить не люблю. Так и не пригубил.

11.04.16. С редактором «Радуги» Юрием Ковальским и редактрисой Галиной Беленко ездил в Украинский культурный центр на презентацию журнала. Не имел представления, с кем еду в одном автомобиле. Красивая шофёр (или шофёрка?) оказалась руководителем Центра, а заодно и пресс-секретарём посольства, не представила нас друг другу. Знакомству с радугцами рад невероятно! Очередной подарок Всевышнего. Жаль, что не смог их принять. Даже не потому, что не был готов — Люся в больнице. Набежали и другие обстоятельства.

21.04.16. На подходе праздник Песах. По древней традиции позвольте провести маленькую пасхальную проповедь. Старая байка.

Перед казнью царь сказал преступнику, приговорённому к смерти:

— Можешь выбрать: либо виселицу, либо то, что ждёт тебя за страшной железной дверью.

Преступник подумал и указал на виселицу. Когда ему на шею уже накинули верёвку, он спросил:

— Царь, а что там за дверью?

— Там — свобода — ответил царь. — Но из двух вариантов, все почему-то выбирают виселицу...

Люди боятся неизвестности больше всего на свете.

11.07.16. Несколько слов о ближайшем будущем:

Исход без паники приемлю.

Как часто я бывал к нему готов.

Солдата долг: хоть на земле, хоть в землю.

Без пафоса и без высоких слов.

Воспоминания переполняют.

Душа — не сейф, добро хранит давно.

Крупницу бы того, чего не знаю!

Увидеть, что и в мыслях не дано!

Забывать всех, причинявших муки.

Я тоже не всегда добро творил.

Простят ли за наследство внуки?

Осудят ли, что не предотвратил?

Нет, утешениям не внемлю.

Бальзам? Зачем поток ненужных слов?

Исход без паники приемлю.

Фактически к нему уже готов.

19.07.16 (11.22). Ничего не знаю о влиянии языка на рифмы и рифм на язык. У меня само собой выливается без моего малейшего влияния. А как проклёвывается — не понимаю... Следовало бы описать мою многолетнюю успешную войну с официальной медициной. И неизбежное поражение из-за случайной ошибки. Но от всякого писания меня тоже тошнит. Что уж говорить о влиянии рифмы...

19.07.16 (18.23). Это не минутная слабость. Следовало бы вместо говняных виршей сесть и написать серьёзную медицинскую статью. Но статья будет не по моей специализации — не по ортопедии и травматологии. А ведь известно, как относятся к сапожнику, рассуждающему о выпечке тортов. Не хочется им быть.

08.09.16. С Эрнстом Неизвестным (благословенная память его!) я, к сожалению, не был знаком. Но почитал его невероятно.

15.10.16. Более полугодом не подхожу к телевизору. Известия — два-три раза в день из Интернета. Случайно в файлах нашёл рассказ о кошках. Удивительные животные. Собак тоже люблю, но кошки намного интеллигентнее. В начале ноября на три месяца к нам приезжает Люсина сестра с мужем. С ним всегда с удовольствием пью коньяк. У меня даже есть рассказ на эту тему — «Панегирик». Не знаю, как будет сейчас.

18.11.16. Не представляете, какой комплимент мне сделали! Во времена, когда не было гляцевых журналов, юмор был тоньше, интеллигентней, и потому убийственней. Понимаю, что время даже по частушкам бьёт. Однако, в те годы, когда мы упивались 48-ю четверостишиями под общим заголовком «От рифмы не уйдёшь», первые корневые строчки звучали несколько иначе: «На берегу, покрытым маком...», «Под пирамидою Хеопса...», «На славный праздник сабантуй...», «Студента стала опекать...», «О бывшей юности толкуя...» и т. д. Не скажу, что с модуляциями голоса, я пропел в ординаторской хирургического отделения 2-й Печерской больницы (или 13-Киевской) все 49 куплетов профессору Городинскому. 49-й сам сочинил и, как потом говорили, именно эти четыре строчки соответствующие органы квалифицировали, как антисоветские. Вот они:

***Иван Иванович издавна
Таскал с собой кусок...газеты,
Ему была газета эта
Для агитации нужна!***

Теперь можно признаться, что в оригинале акценты были несколько смикшированы, вместо «Ивана Ивановича» у меня был «редактор», а последняя строчка вообще звучала почти беззубо: «Для просвещения дана». Единственный случай, когда я благодарен безымянным правщикам за тактичное вмешательство, в смысле — помощь. Кстати сказать, почтенный профессор Городинский со своей стороны добавил к каноническим сорока восьми несколько четверостиший. Но они, кажется, не прижились.

10.12.16. У меня нет фейсбука и прочих причиндалов, поэтому до меня не доходят всплески как украинских, так и российских ура-патриотов. Правда, того, что доходит — вполне достаточно. Пишут, не уставая, что я исчадие ада, пил кровь христианских младенцев, а ордена купил в Ташкенте. Но иногда случаются забавные вещи. Вдруг из Москвы по электронной почте прислали ТРЕБОВАНИЕ открыть в Гугле «2-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду». Пришлось рассмеяться и ответить, что об этой бригаде знаю больше всех энциклопедий мира. Они снова требуют. Открыл. Ничего

нового, всё мне известное. Опять пишут, просят быть более наблюдательным. Снова открыл и наконец понял в чём дело, почему так настойчиво комментаторы повторяют: «Теперь вы понимаете: это официальный документ, подтверждающий наличие государственного антисемитизма». Тоже мне — теория относительности...

13.12.16. Уже несколько месяцев не выхожу из дома. А сына нагружать не хочется — он очень занят. У меня с деньгами отношения странные. На транспорт в Киеве Люся выдавала мне по мере необходимости. Здесь с первого дня у меня не было и нет чековой книжки, ни кредитных карточек, ни наличных. После болезни обучаю Люсю различать монеты и купюры.

03.02.17. Бесперывно правлю написанное на днях стихотворение. Сокращаю, удлиняю. И опять. Не знаю, улучшаю или ухудшаю. Позволю себе привести несколько строк, которые, кажется, удались.

***Мне холодно, как в том проклятом январе.
Мороз без выстрелов велел нам умереть...
Танкисты, подчинённые мои
Измощены. Девятый день бои, бои...
Воспоминания. Как-будто бой сейчас,
Как-будто рядом прогремел фугас...
Зима под пальмами теплится во дворе.
А мне так холодно, как в страшном январе.***

*(В январе 1945-го израненного лейтенанта еле довели до полевого госпиталя. Сослуживцы были уверены, что командир роты погиб вместе с экипажем. Фамилия Дегена десятки лет была выбита на братской могиле под Кенигсбергом. Долгие месяцы лечения, демобилизация по инвалидности. Почему же давнее предчувствие смертельного боя вдруг ожило в сознании спустя более, чем семьдесят лет? Поэты — народ тонкокожий. Пройдут считанные недели после возникновения стихотворения «Мне холодно!», на Иона Лазаревича обрушится обширный инфаркт. На приближение неотвратимой беды организм ветерана отреагировал, распознал её на подходе. Ощущения перелились в стихи. На шлифовку их уже не осталось сил... —
Я. М.).*

* * * * *

«Мне и Тане выпала большая удача и честь – познакомиться и подружиться с фронтовиком, героем-танкистом, великим доктором, поэтом и писателем Ионом Дегеном и его женой Люсей».

Фото В. Берсенева.

Яков Махлин

©"Заметки по еврейской
истории"

[№8-10\(225\)](#)

август-
октябрь 2020 года